

случай демонстрирует наличие сразу трех признаков низкого эмоционального интеллекта переговорщика: обсуждение не переговоров и позиций, а личности оппонента, жалобы, выражение собственных эмоций, связанных с бессилием, отчаянием и т.д. Можно сказать о том, что в данном случае Дж. Керри нарушил основные традиции американской внешнеполитической риторики, дающей США преимущество. Так, предшественники госсекретаря сделали бы акцент скорее на неспособности России понять сложившуюся ситуацию, на ее неготовности к диалогу, которая дает право на их дальнейший бойкот, и т.д. Однако Дж. Керри сделал выбор в пользу демонстрации собственного бесилия.

Однако подлинную роль эмоциональной устойчивости и целенаправленной вариативности С. Лаврова можно оценить при изменении баланса сил в сторону США. Так, сохранение спокойствия и наличие признаков снисходительности на сегодняшний день, когда имеет место дипломатическая война США и России по поводу Сирии

и Крыма, поведение С. Лаврова выдает в министре иностранных дел России человека действительно способного не только создавать иерархию при конфликтных переговорах, но и удерживать ее при появлении неблагоприятных ситуаций. Так, С. Лавров придерживался избранной тактики на переговорах 31 января 2014 г., когда разгорался кризис в Украине, а Россия по-прежнему сохраняла свое лицо на переговорах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что одна из причин успеха России в рамках политических переговоров по Сирии заключается в более высоком эмоциональном интеллекте ее представителей, чем представителей американской стороны. В частности, С. Лавров, демонстрируя ключевые показатели высокого эмоционального интеллекта (гибкость, умение распознавать чужие эмоции и провоцировать их, умение управлять своими реакциями и др.), вне зависимости от контекста задает тон общения с Дж. Керри, в т.ч. выстраивает иерархическую модель переговоров, при которой собеседник выглядит более слабым и менее опытным.

УДК 321.6/8

ДУДИН Павел Николаевич –

*к.полит.н., доцент кафедры международного права и международных отношений юридического факультета Бурятского государственного университета
670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.
dudin2pavel@gmail.com*

МЕСТО И РОЛЬ ЯПОНСКИХ СОВЕТНИКОВ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ МЭНЦЗЯНА

THE PLACE AND THE ROLE OF JAPANESE ADVISERS IN THE GOVERNMENTAL SYSTEM OF MENGJIANG

В статье определяется роль и значение института советников (консультантов) из числа представителей японского военного командования в системе органов государственной власти Мэнцзяна. В 1930–40-х гг. они осуществляли фактическое управление государством подобным образованием Мэнцзяна, расположенным на территории центральной части Внутренней Монголии, Китай. Дается характеристика влияния японской стороны на процесс государственного управления, ее место в системе органов власти. Приводится описание самой системы государственного управления как в центре, так и в аймаках

Мэнцзяна для того, чтобы понять, на каких принципах строилось новое политическое образование и в какой мере решения, принимаемые политическим руководством Мэнцзяна, зависели от воли оккупационных сил. Прослеживается процесс развития и модернизации государственного аппарата, параллельно с которым претерпевали изменения и органы японского контроля.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, Мэнцзян, советники, японская оккупация, органы государственной власти

This article defines the role and importance of the Japanese military advisers (consultants) in the government of Mengjiang, which was located in the central part of the Inner Mongolia, China. The article characterizes the influence of the Japanese military advisers on the process of public administration and their place in the government. It gives the description of the governmental system both at the center and in aimaks of Mengjiang, in order to understand the principles of the new political entity and how the decisions taken by the political leadership of Mengjiang depended on the will of the occupying forces. The article traces the development and modernization of the state apparatus, in parallel with which the Japanese controlling authorities had been changing.

Keywords: Inner Mongolia, Mengjiang, advisers, Japanese occupation, public authorities

Изучение появившихся в 1930–40-х гг. на восточных рубежах некогда великой империи Чингисхана новых государств, возникших в результате удачной международной обстановки и благодаря возросшему национальному самосознанию, создает благоприятные условия для сравнительных исследований, т.к. они отвечают выдвигаемому большинством компаративистов критерию максимально возможного сходства политической и правовой культуры народов.

Большой интерес вызывают процессы трансформации политических и правовых институтов в монгольских государствах [Михалев 2011: 194]. В связи с этим изучение государственных институтов и органов государственной власти в Мэнцзяне, процесса их возникновения и эволюции позволит лучше понять особенности государственного устройства данного политического образования. Учитывая значимую роль японской стороны в процессе государственного управления, ее характеристика в системе органов власти представляет существенный интерес и позволяет понять, на каких принципах строилось новое политическое образование и в какой мере решения, принимаемые политическим руководством Мэнцзяна, зависели от воли оккупационных сил.

Положение Монгольской автономии, признанной в 1934 г. в границах Китайской Республики Нанкинским правительством, не устраивало многих представителей высшей монгольской аристократии, которые хотели полной независимости от Китая [Дудин 2013:

111]. Усилению идеи независимости способствовали подстрекательства со стороны командования Квантунской армии, которое в случае открытого выступления обещало военную и финансовую поддержку. В результате один из влиятельных князей и инициатор движения за независимость князь Дэмчиг Донров (Дэ Ван) и ряд представителей автономии вступили в переговоры с японцами.

Для предотвращения отделения Монгольской автономии от Китая Нанкинское правительство в январе 1936 г. разделило ее территорию на две части – Суйюань и Чахар, перенеся в последнюю административный центр. В ответ на это монголы начали формирование собственных вооруженных сил и усилили переговорный процесс с японской стороной. 10 февраля 1936 г. было объявлено о создании монгольской национальной армии. Тогда же представители наиболее крупных родов – потомков Чингисхана – принесли клятву о возрождении его великого наследия и возвращении всех исконных монгольских земель под единое управление, тем самым ознаменовав новый этап национального возрождения и борьбы за самостоятельность.

20 апреля 1936 г. при непосредственном контроле со стороны японских вооруженных сил в Шилин-Голе открывается первый со времен Байлинмяо Учредительный съезд монгольской политической элиты, в котором приняли участие высшие слои аристократии. 25 апреля 1936 г. съезд принял решение об образовании независимого

государства, о формировании военного правительства и национального войска.

12 мая было официально объявлено о создании Монгольского военного правительства [Лю Шоулинь 1995: 1225]. Был учрежден национальный флаг. Японское присутствие получает официальное оформление: на синем полотнище в левом верхнем углу были размещены три вертикальные полосы – красная, желтая и белая. Каждый из цветов соотносился с народами, проживающими на территории Внутренней Монголии: синий цвет – с самими монголами, желтый – с ханьцами, белый – с мусульманскими народами. Красный цвет символизировал японцев и располагался у левого края, что означало претензии японцев на доминирующее положение в молодом государственном образовании.

В систему управления был включен институт советников (или консультантов) со стороны японского командования, имевший собственную структуру и не подчинявшийся местным властям. Во главе корпуса советников стоял руководитель, осуществлявший координацию действий своих подчиненных по соответствующим направлениям государственной политики: советников по военным вопросам, по вопросам финансов, по международным делам и по вопросам образования. Фактически советники стали сюзеренами или, как их называли на китайский манер, «тайшан-хуан».

29 июня 1936 г. Военное правительство провозглашает независимость Внутренней Монголии от Китая. Закрепляется новое название самопровозглашенного политического образования: Монгол-Го (*Mengkukuo* или *Mongokuo*) – страна монголов. Созвучное с *Manchukuo* Маньчжоу-Го, новое политическое образование, по мнению тогдашних экспертов, выстраивалось аналогично схеме становления северного соседа.

Таким образом, вскоре после ликвидации Политического совета монгольские лидеры вновь предприняли попытку провозглашения независимости, на этот раз с помощью японских вооруженных сил, формируя свои органы управления, за которыми закреплялись японские советники.

В 1937 г. Военное правительство преобразуется в Автономное правительство

Мэнцзяна. Учреждается институт президента. Статус президента регламентировался временным конституционным актом – Органическим законом. Но провозглашенными широкими полномочиями президент мог воспользоваться только по согласованию с японскими советниками, которые являлись неотъемлемой частью государственного аппарата Мэнцзяна. Группа японских консультантов получает статус министерства, осуществляя фактический контроль над военной и политической властью страны, ее финансами и экономикой. С 1937 г. группу возглавляют два главных консультанта: Канаи Акирацуги и Уяма Хэйси [Дудин 2014: 89].

Утверждается новый флаг: синее полотнище сохраняется, но число полос увеличено до четырех и они размещаются горизонтально: выше других – красная полоса, затем синяя, желтая и белая.

С созданием Государственного административного совета в систему советников включаются и японские чиновники, курирующие этот орган государственной власти, а также органы власти аймаков, уездов, городов, включая столицу. Для того чтобы продемонстрировать сближение с Японией, органы государственной власти Мэнцзяна стали внедрять японский стиль и наименования государственных учреждений.

Японская сторона на протяжении всего периода господства старалась всячески укрепить свои позиции. Правительство, министерства и ведомства осуществляли консультации с японскими советниками, прежде чем вопрос поступал на рассмотрение Государственного административного совета. Финансирование японских расходов осуществлялось в рамках отдельного бюджета. И хотя формально право назначать членов правительства принадлежало президенту с одобрения Государственного совета, ни один министр не мог быть назначен без решения японских правительственных кругов. Это решение власти Мэнцзяна не могли отклонить, что ставило их в прямую зависимость от оккупационных сил.

27 декабря 1937 г. был достигнут компромисс между Квантунской армией и военным командованием правительственных структур Северного Китая о том, что северные территории переходят

дят под юрисдикцию японских вооруженных сил, создается отдельный корпус Квантунской армии в Монголии. 4 июля 1938 г. расквартированные части Монгольского корпуса были включены в состав армии Северного Китая. В дальнейшем они использовались в т.ч. для манипуляций и давления на созданные на оккупированных территориях режимы. Следовательно, административная зависимость подкреплялась зависимостью военной.

Реорганизация правительственных структур, проведенная 1 августа 1938 г., не коснулась японских советников, но определила систему органов государственной власти Мэнцзяна на последующий период. На данном этапе статус японских советников нашел свое юридическое закрепление и оформился посредством создания отдельной правительственной структуры. Советники были прикреплены к органам власти Мэнцзяна и получили полномочия по влиянию на принятие важнейших государственных решений.

Учитывая, что Мэнцзян формировался как сложностоечное (позднее – федеративное) государство, крайне важным было обеспечить японское присутствие не только в центральных правительственных учреждениях, но и на местах.

Присутствие японских советников при территориальных органах управления можно характеризовать следующим образом. В мае 1936 г. создается министерство по делам аймаков, регулирующее процесс управления территориями со стороны центральной власти. В 1937 г. оно преобразовывается в Управление монгольскими землями, приобретая полномочия по решению вопросов о замещении вакантных должностей в государственных учреждениях аймаков; вопросов, касающихся конфиденциальности и государственной тайны, планирования, подбора кадров, назначения на государственную должность, делопроизводства, строительства и ряда других. Подобные же структуры были созданы в новых автономных образованиях Чанань и Цзиньбэй, которые имели с Мэнцзяном ассоциированную договорную связь.

Государствоподобное образование Чанань существовало с 1937 по 1939 г. как результат оккупации японскими

войсками части Северного Китая. Были определены приоритетные задачи: следование японскому политическому курсу, искоренение коммунизма, обеспечение межнационального согласия и народное процветание. Как и в Мэнцзяне, к каждой государственной структуре прикреплялся японский советник, который обладал ключевыми административно-распорядительными полномочиями при принятии решений. Из четырех управлений Чананя лишь в управлении финансов во главе структуры встал представитель местной элиты, в трех остальных это были представители японской стороны. В столице, Калгане, были расквартированы части японской армии.

Государствоподобное образование Цзиньбэй было создано на севере китайской провинции Шаньси и представляло собой опорную точку японского военного командования для продвижения вглубь страны. В качестве основных программных установок были определены: благодарность японской армии за независимость, уничтожение красных преступников (коммунистов), укрепление моральных устоев и строительство идеального общества. В области государственного управления положение японской стороны было схожим с положением в соседнем Чанане.

В аймаках ситуация была аналогичной: японское присутствие в системе государственного управления ощущалось достаточно четко. Например, в аймаке Баян-Тал численность административно-управленческого аппарата составляла 507 чел., из которых выходцами из Японии были 213 и лишь 55 чиновников – этнические монголы. В связи с этим речь о самостоятельности воспринималась не иначе как ирония [Захчид Сэцэн 2005: 299-300].

Японские захватчики во многом опирались на систему знамен, в которой их сторонниками были князья-дзасаки. Так, в августе 1940 г. японцы подчеркивали, что знаменная система и история монгольского народа должны уважаться и сохраняться, социальная структура должна поддерживаться, ламаизм в качестве государственной религии – почитаться. Речь шла о сохранении существующей административной системы. Японцы придавали большое

значение укреплению и поддержке родовых институтов власти, без которых обеспечить контроль было бы значительно сложнее. Таким образом, феодальные отношения нашли не только поддержку, но и получили правовое оформление с японской стороны.

Однако само присутствие японцев не находило однозначной поддержки. Со стороны монгольской элиты подразумевалось скорее соглашательство и тайное сопротивление навязываемым моделям поведения. И если на востоке Внутренней Монголии японские советники активно входили в состав управленческих структур и концентрировали в себе некоторые властные полномочия [Захчид Сэцэн 2005: 386], то на западе они находились на положении приглашенных консультантов без возможности получения административных должностей в системе территориальных органов управления аймаками и хошунами.

Таким образом, административно-территориальная структура Мэнцзяна в контексте присутствия японских советников имела ряд особенностей. Во-первых, сохранялась старая система деления на аймаки и хошуны. Во-вторых, эта система получила юридическую основу, что было сделано с целью обеспечения лояльности со стороны князей. Вместе с тем со стороны японского командования шло постоянное насаждение японских устоев и вмешательства в жизнь хошунов и аймаков, что не могло не вызывать протестные настроения среди местной аристократии.

Требуется дальнейшее изучение характера взаимоотношений между высшим руководством Мэнцзяна и представителями оккупационных сил, т.к. имеющиеся свидетельства наглядно доказывают отсутствие факта слепого подчинения. Серьезные разногласия вызывали и вопросы наименования (Монгол-Го или Мэнцзян) объединения монгольских и китайских территорий в 1939 г. и ряд других. Быстро разочаровавшись в японском присутствии и осознав, что оккупационные силы не стремились обеспечить монгольскую независимость (особенно после 1940 г.), представители высшего руководства Мэнцзяна хотя и не могли открыто выступать против,

тем не менее активно поддерживали подобное противодействие на уровне территорий. В августе 1945 г. этот фактор, наряду с другими, обеспечил мгновенный разгром японцев и отсутствие сопротивления советским и монгольским (МНР) войскам.

Несмотря на сопротивление Дэ Вана и значительной части политической элиты Мэнцзяна, 1 сентября 1939 г. [Ци Чжанмин 2002: 87] было провозглашено создание Объединенного автономного правительства Мэнцзяна, Чананя и Цзиньбэя, столицей которого стал Чжанцзякоу (Калган). Дэ Ван остался президентом. Тогда же была установлена федеративная структура государства¹. Мэнцзян, претендуя на статус полноценного государства, обзавелся официальными представительствами в других государствах: в Китае, Японии и Маньчжоу-Го.

В очередной раз изменился государственный флаг, сохранив в себе основной набор цветов. Теперь по центру шла толстая красная полоса, символизирующая место и роль Японии в процессе государственностроительства, которую обрамляли сверху и снизу тонкие белые, с большим утолщением синие и желтые вертикальные полосы вдоль всего полотнища.

В июне 1941 г. происходит централизация ключевых государственных органов власти, представлявших интерес, прежде всего, для японской стороны. Корпус советников снова стал управлять единолично. Ряд министерств были реорганизованы. Министерство финансов, министерство промышленности, Главное управление по контролю за монополией на соль и управление животноводства были ликвидированы, а их функции переданы министерству экономики, что предполагало централизацию не только в силовой, но и в экономической сфере.

В августе 1943 г. Япония получила право на размещение своих войск в пределах Монгольской Автономной Федерации. На данном этапе государственность Мэнцзяна завершает свое развитие. Не получив окончательной независимости, страна была включена в

¹ China: Jokes on Japan. — *The Time*. 1936. November, 23.

состав Китая, и это сводило на нет все попытки к самостоятельности.

Вслед за поражением Японии в августе 1945 г. большинство режимов, созданных при поддержке Квантунской армии, прекратили свое существование. Эта же участь постигла и Мэнцзян, хотя очередная попытка формирования автономной политической власти в границах западной части Внутренней Монголии была предпринята спустя 4 года и вылилась в провозглашение Алашаньской Республики.

Таким образом, при поддержке японского военного командования монгольской политической элите к 1939 г. удалось создать полноценную государственную систему, включавшую правительственные учреждения, административно-территориальную федеративную структуру, сформировать собственные вооруженные силы и объединить значительную часть монгольских земель. Однако

добиться абсолютной независимости и государственного суверенитета не удалось. В системе государственного управления ключевые решения принимались японскими советниками, а не монгольской стороной. После установления режима Ван Цзинвэя в начале 1940 г. Внутренняя Монголия номинально вошла в состав нового политического образования на правах широкой автономии, хотя китайские власти на ее территории никакими реальными полномочиями не обладали. Положение Мэнцзяна определялось условиями, согласованными с японским командованием. Внутренняя Монголия обозначалась в качестве «особого района»¹, о Мэнцзяне как о самостоятельном государстве речи не велось.

¹ Terms of Wang's Reported Pact with the Japanese. — *The Straits Times*. 1940. March, 7. P. 14.

Литература:

Дудин П.Н. 2013. Государственность Мэнцзяна: хронология становления. — *Вестник Бурятского государственного университета*. Вып. 7. С. 110-115.

Дудин П.Н. 2014. *Политическая история Мэнцзяна*. Улан-Удэ: Изд. Бурятского госуниверситета, 300 с.

Михалев А. В. 2011. Монголия как национализирующееся государство: опыт постсоветских трансформаций. — *Политическая наука*, № 2. С. 193-207.

Захид Сэцэн. 2005. *Мои воспоминания о Дэ Ване и Внутренней Монголии*. Пекин: Изд. китайской истории и литературы, 613 с. (札奇斯钦: 《我所知道的德王和当时的内蒙古》, 中国文史出版社, 2005年版).

Лю Шоулинь. 1995. *Официальная хроника Китайской Республики*. Пекин: Изд. Чжунхуа, 1531 с. (刘寿林等编, 民国职官年表, 北京: 中华书局, 1995年)

Ци Чжанмин. 2002. Участие японских вооруженных сил в создании Мэнцзяна. — *Научные исследования сопротивления японским захватчикам*. С. 80-96. (祁建民, 日本陆军与「蒙疆联合委员会」, 抗日战争研究2002年2期).